

Поэты нередко утверждают, что их биографии следует искать в их стихах. В значительной мере, это действительно так. Между тем, у многих мы находим и сугубо биографические страницы прозы, предваряющие или заключающие избранные поэтические книги. Есть таковые и у нашего земляка-воронежца поэта Анатолия Жигулина (1930–2000). В этих биографических, исполненных лирической тональности страницах предстают перед нами главные вехи его жизненного пути. Овеяно поэтическими видениями, настроениями и, наконец, воспоминаниями раннее детство в сельской местности близ Дона; незабываемое впечатление от быliny «Про Илью Муромца и Соловья-разбойника», многократно рассказанной отцом, человеком крестьянского корня, и от «Кавказского пленника», прочитанного будущему поэту и его младшему брату матерью, происходившей из дворянского рода Раевских. Но уже на исходе детства чуткое сердце ранят огонь и хаос: жестокий рубец на нем оставила война, которая за полгода в сорок втором и начале сорок третьего в руины и пепел превратила родной Воронеж и долго еще напоминала о себе не только городскими развалинами, но и бесконечными окопами и воронками на окраинах, железным хламом, пробитыми касками...

О войне, о родном городе и были первые жигулинские стихи, опубликованные в воронежской печати уже в ранней юности, когда он заканчивал школу, поступил в лесотехнический институт. Начало творческой биографии складывалось удачно. Но тут над девятнадцатилетним юношей разразилась беда: как деятельный участник воронежской КПМ («Коммунистическая партия молодежи»), он с товарищами был арестован, осужден и сослан в далекие лагеря; в Сибири строил железную дорогу Тайшет—Братск, на Колыме терял здоровье на рудниках. В 1954 году реабилитированный Жигулин вернулся в родной город. Продолжил обучение в институте, снова стал печататься. В 1959 году в Воронеже вышел в свет его первый поэтический сборник «Огни моего города». Тогда молодому поэту сердечным участием, добрыми советами, редакторскими соображениями много помогли писатель Владимир Кораблинов, редактор местного издательства Александра Жигульская, ученый-литературовед Анатолий Абрамов. И не может быть не назван Борис Стукалин: будучи редактором воронежских областных газет, Борис Иванович чутко, строго, но доброжелательно знакомился с ранними жигулинскими стихами, печатал их на страницах «Молодого коммунара», «Коммуны», а став министром печати СССР, помог в быстрейшем издании ряда сборников талантливого земляка. А вскоре Жигулину выпало счастье познакомиться (через Абрамова) и с Александром Твардовским, который в январском номере «Нового

мира» за 1962 год опубликовал цикл стихов, что положило начало широкой известности поэта из Воронежа.

Итак, жизнь — как судьба. Естественно, и поэзия Жигулина не могла не стать поэзией по-настоящему драматической и счастливой судьбы. Литературной критикой наш земляк был причислен к поэтам так называемой тихой лирики. В последней трети прошлого века эта «тихая лирика» (кроме Анатолия Жигулина, еще Владимир Соколов, Анатолий Передреев, Николай Рубцов, Алексей Прасолов, Глеб Горбовский, Станислав Куняев, Юрий Кузнецов) была услышана, востребована, может, куда вернее, нежели так называемая шумная, эстрадная. «Тихая лирика» голосом предельно искренним заговорила о самом серьезном. О Родине, не только побеждающей, но и страдающей. О Родине, обворованной все историческом, духовном бытии. О человеке не только с его победами, но и потерями. То была лирика сердца, лирика страдательная и сострадательная. За нею виделась небывало трагическая и героическая судьба народа.

В стихах и раннего, и более позднего Жигулина есть благодарная переключка с классиками, опора на традицию, и здесь очевидные имена — Кольцов, Никитин, Бунин, Есенин, Твардовский. О Кольцове Жигулин сказал: «Главная моя общность с замечательным земляком — это одна наша воронежская (да и вообще российская) земля, Родина... Эта близость естественна, как сама наша природа, как сама наша из века в век переходящая боль русского сердца».

Еще в начале восьмидесятых годов поэт подарил мне от руки написанные, не опубликованные тогда стихи — «Отдам еврею крест нательный...», «Перепелка над пшеничным полем...», «Здравствуй лоза у оврага...», «Метель» и уже опубликованную «Соловецкую чайку».

Изредка их перечитываю — с самыми разнообразными чувствами.

Все осталось, как было.
И будет всегда.

Это как эсхатологический приговор соловецкой чайки.

Совсем незнакомая местность.
И снежные призраки дней
Летят и летят в неизвестность
Из тающей жизни моей.

Грустно. Но распогоживается, но отпускает, когда читаешь начальные строки «перепелки...»:

Перепелка над пшеничным полем
И вечерний предзакатный лес.
Словно звон далеких колоколен
Тихо разливается окрест.
Тихий звон неведомо откуда...
На плохую жизнь не сетуй, друг.
Все равно она большое чудо.
Лишь бы свет небесный не потух...

Анатолий Жигулин

Уходит случайное. Остается память — прежде всего память о главном. Память в мире существует даже вне человека, ею человечество может спастись. Доброй памятью. Один из ранних сборников жигулинских стихотворений так и назван — «Память».

Виктор БУДАКОВ

УТИНЫЕ ДВОРИКИ

Утиные Дворики — это деревня.
Одиннадцать мокрых соломенных крыш.
Утиные Дворики — это деревья,
Полынная горечь и желтый камыш.

Холодный сентябрь сорок пятого года.
Победа гремит по великой Руси.
Намокла ботва на пустых огородах.
Увяз «студебеккер» в тяжелой грязи.

Утиные Дворики...
Именем странным
Навек очарована тихая весь.
Утиные Дворики...
Там, за курганом,
Еще и Гусиные, кажется, есть...

Малыш хворостиной играет у хаты.
Утиные Дворики...
Вдовья беда...
Все мимо
И мимо проходят солдаты.
Сюда не вернется никто никогда...

Корявые вербы качают руками.
Шуршит под копной одинокаямышь.
И медленно тают в белесом тумане
Одиннадцать мокрых
Соломенных крыш.

1966

* * *

Послевоенная Россия,
Буханка хлеба — сто рублей.
Но если бы сейчас спросили, —
Дней не припомню веселей.

Наверно, жизнь лишь в раннем детстве
Так первозданна и свежа,

Что никаких утрат и бедствий
Не хочет принимать душа.

Я убегал тогда с урока
В запретный ельник за селом.
И ржавый танк с пробитым боком
Не увезли в металлолом.

Над обездоленной равниной
Дымок струился от села.
И блиндажей сырая глина
Еще травой не заросла.

Но я судьбою был доволен,
И сердце прыгало в груди.
И жизнь весенним теплым полем
Еще синела впереди.

1969

* * *

Соловецкая чайка
Всегда голодна.
Замирает над пеною
Жалобный крик.
И свинцовая
Горькая катит волна
На далекий туманный
Пустой материк.

А на белом песке —
Золотая лоза.
Золотая густая
Лоза-шелюга.
И соленые брызги
Бросает в глаза,
И холодной водой
Обдает берега.

И обветренным
Мокрым куском янтаря
Над безбрежием черных
Дымящихся вод,
Над холодными стенами
Монастыря
Золотистое солнце
В тумане встает...

Только зыбкие тени
Развеванных дум.

Только горькая стылая
Злая вода.
Ничего не решил
Протопоп Аввакум.
Все осталось, как было.
И будет всегда.

Только серые камни
Лежат, не дыша.
Только мохом покрылся
Кирпичный карниз.
Только белая чайка —
Больная душа —
Замирает, кружится
И падает вниз.

1973

* * *

О, Родина! В неярком блеске
Я взором трепетным ловлю
Твои проселки, перелески —
Все, что без памяти люблю:

И шорох рощи белоствольной,
И синий дым в дали пустой,
И ржавый крест над колокольной,
И низкий холмик со звездой...

Мои обиды и прощенья
Сгорят, как старое жнивье.
В тебе одной — и утешенье,
И исцеление мое.

1967